

Заметив, что времени до сумерек ещё предостаточно, а Е Чжэнь с головой ушёл в государственные заботы и вряд ли вспомнит о нём в ближайшие часы, Е Шуанчэн решил воспользоваться моментом и тайком выскользнул из поместья. Бесцельно слоняться по улицам он не собирался — им двигало вполне конкретное намерение: подыскать для брата изящный складной веер. Добравшись до противоположного конца торговой улицы, он приметил лавку древностей с самой богатой вывеской и без колебаний перешагнул порог.

Хозяин заведения, у которого хороших товаров было в избытке, выслушав пожелания гостя, тут же бережно вынес гордость своей коллекции — веер на пластинах из резной кости. Рассыпаясь в лстивых уверениях, лавочник принялся нахваливать сокровище:

— Ах, молодой господин! У вас поистине безупречный вкус! Этот веер — настоящее чудо, его остов выточен из кости священного зверя и покрыт тончайшей резьбой. Взгляните на эти пластины, прикоснитесь к шёлку! Во всей Поднебесной не сыскать сокровища прекраснее.

Шуанчэн отродясь не верил базарным зазывалам. Он небрежно провёл пальцами по пластинам — судя по всему, это была обыкновенная слоновая кость, — а затем развернул веер. Шёлк оказался на редкость плотным и качественным, а натянутое полотно украшал изящный тушевый пейзаж. Правда, с одной стороны мастер оставил пустое место, предназначенное, очевидно, для каллиграфической надписи.

Вещь действительно была добротной, поэтому Шуанчэн, не торгуясь, отсчитал монеты, спрятал покупку в рукав и незаметно вернулся в свои покои. Усевшись за письменный стол, он надолго задумался, подперев подбородок рукой. Наконец, решившись, он обмакнул кисть в тушь. Но вместо стихов на шёлковом полотне появился рисунок — забавная маленькая лисица. Мордочка у неё получилась круглой, подбородок — острым, а чуткие ушки забавно топорщились в стороны. Выглядел зверёк на редкость смышлёным и лукавым, неуловимо напоминая самого Шуанчэна.

Вечером, после ужина, Е Чжэнь по своему обыкновению принялся расспрашивать его об успехах в учёбе. Шуанчэн кротко ответил на все вопросы, а затем, вспомнив, что завтра ему предстоит впервые отправиться в императорский дворец в качестве соученика принцев, вытащил веер из-за пазухи. С заискивающей улыбкой он протянул подарок брату:

— Брат, прими, пожалуйста, мой скромный дар.

Е Чжэнь недоумённо приподнял бровь и смерил его прохладным взглядом, не торопясь принимать подношение.

Шуанчэн, не растерявшись, буквально насильно вложил веер в ладонь брата и приторно защебетал:

— Брат так тяжело трудится каждый день, столько сил тратит на моё наставление! У меня нет ценных сокровищ, так пусть этот веер станет скромным знаком моей глубокой благодарности за твою доброту. — Он выдержал многозначительную паузу и, заглядывая Е Чжэню в глаза, заискивающе добавил: — И раз уж мы заговорили об этом... насчёт завтрашней службы во дворец... нельзя ли как-то...

Е Чжэнь ещё в ту секунду, когда веер коснулся его пальцев, раскусил нехитрый маневр младшего брата.

— Нет, — отрезал он ровным голосом.

Развернув шёлковое полотно, Е Чжэнь наткнулся взглядом на чернильный набросок. Он нахмурился:

— А это... собака? — искренне изумился он.

— Брат, какая же это собака! — обиженно воскликнул Шуанчэн. — Это лиса! Я сам её нарисовал, так что даже не думай воротить нос!

Е Чжэнь, как ни старался, сходства с лисой не обнаружил, но спорить не стал. Однако Шуанчэн отступить не собирался. Он упрямо придвинулся ближе и, совершенно позабыв о приличиях, заканючил:

— Брат, ну послушай! Ты же знаешь, я совершенно не умею вести себя в приличном обществе. Если я во дворце ненароком оскорблю кого-то из императорской семьи, мне ведь голову с плеч снимут! Братец, вспомни, у тебя ведь я один-единственный!

— Значит, будешь следить за каждым своим словом и шагом, — невозмутимо отозвался Е Чжэнь.

— Брат-а-а... — Шуанчэн мёртвой хваткой вцепился в рукав его халата и принялся раскачивать из стороны в сторону.

Е Чжэнь тяжело вздохнул и мягко, но твёрдо высвободил руку:

— Перестань капризничать. Обсуждению это не подлежит.

Поняв, что уговоры не действуют и брат непреклонен, Шуанчэн надулся и обиженно заскрипел зубами. Про себя он в очередной раз обозвал Е Чжэня тираном, который просто ищет повод поиздеваться над несчастным младшим братом.

В этот момент в комнату вошёл Фэйсэ, бережно неся стопку книжных свитков, приготовленных

на завтра. Е Чжэнь бегло осмотрел их, дал несколько коротких наставлений слуге и направился к выходу, возвращаясь в свой Восточный двор. Веер он, к слову, унёс с собой.

Как бы Шуанчэн ни противился этой затее, на следующее утро ему пришлось смириться и послушно последовать за братом во дворец.

Всю дорогу в экипаже он просидел мрачнее тучи. Его живой, непоседливый нрав совершенно не выносил строгих рамок и скучных условностей. Дома Е Чжэнь держал его в ежовых рукавицах, а в императорской резиденции этих правил наверняка окажется в стократ больше.

К тому же Шуанчэн грешил привычкой сперва говорить, а потом думать. Дома, под крылом старшего брата, любые провинности сходили ему с рук: ну пожурит его Е Чжэнь, ну отлупит дисциплинарной линейкой — от этого ведь не убудет. Дворцовые же стены не прощали ошибок. Малейшая оплошность перед венценосными особами могла обернуться плахой.

От этих безрадостных мыслей Шуанчэну хотелось выть. Он покосился на Е Чжэня — тот безмятежно дремал, прикрыв глаза, и выглядел на редкость умиротворённым. В душе младшего вскипела волна возмущения, но высказать её вслух не хватило духу. Ему оставалось лишь буровить брата угрюмым взглядом, а сам он в этот момент выглядел настолько обиженным, что впору было проливать слезы.

Вдруг повозку сильно тряхнуло на колдобине. Потеряв равновесие, Шуанчэн, сидевший до этого по-турецки, не успел среагировать и кубарем полетел вперёд, прямиком в объятия Е Чжэня.

От Е Чжэня веяло благородством и строгостью, а парадное чиновничье одеяние подчёркивало его безупречные, словно высеченные из нефрита черты лица. Обхватив брата руками за талию, Шуанчэн вдохнул едва уловимый, знакомый аромат туши и дорогих благовоний. Ему вдруг безумно захотелось продлить это редкое мгновение близости, но сверху раздался спокойный, прохладный голос Е Чжэня:

— Долго ещё собираешься так лежать?

— Брат... — Шуанчэн смущённо сглотнул и робко заглянул Е Чжэню в лицо. Убедившись, что тот не сердится, он неохотно выпрямился и тихо спросил: — Брат, а когда ты меня заберёшь?

Е Чжэнь мысленно вздохнул. Ему и самому претила мысль оставлять брата в этом змеином логове под присмотром чужих людей. Смягчившись, он ласково коснулся ладонью щеки Шуанчэна и негромко произнёс:

— Веди себя смирно. Как только закончится утреннее заседание, я сразу загляну к тебе.

Шуанчэн послушно закивал, не находя слов.

У ворот дворцового комплекса экипаж остановился — въезд частным повозкам на внутреннюю территорию был строго запрещён. Навстречу им уже спешили несколько дворцовых евнухов в жёлтых халатах. Шуанчэн спрыгнул на землю и с любопытством огляделся. Поодаль выстроилась целая вереница роскошных карет, принадлежащих, очевидно, столичной знати.

Из экипажей один за другим выходили юноши примерно его лет. Среди них Шуанчэн заметил и молодого господина из семьи министра Не.

«О, и этот тут, — хмыкнул про себя Шуанчэн».

Он оглянулся на карету. Е Чжэнь коротко махнул ему рукой из окна. Поняв этот безмолвный знак прощания, Шуанчэн шагнул в сторону, и повозка неспешно покатила прочь.

Евнухи учтиво поклонились и жестом пригласили молодых людей следовать за ними. Для Шуанчэна это был первый визит в императорскую резиденцию, поэтому каждый поворот, каждая резная колонна вызвали у него неподдельный интерес. Он вовсю крутил головой, рассматривая диковинное убранство. Но стоило их процессии миновать ворота Синсюань, как они нос к носу столкнулись с важной персоной.

Не успел Шуанчэн сообразить, что происходит, как окружающие дружно повалились на колени. Повинуясь стадному инстинкту, он тоже рухнул ниц, успев заметить лишь край тёмно-жёлтого шёлкового одеяния.

Шуанчэн было решил, что перед ними сам Его Величество, но звонкий голос ведущего евнуха тут же развеял его заблуждения:

— Приветствуем Его Высочество Наследного принца!

Юноши хором принесли положенные по этикету изъявления почтения. Наследный принц Ли Цзэхань снисходительно кивнул:

— Вольно. Поднимитесь.

Затем он словно вспомнил о чём-то важном и скользнул цепким взглядом по лицам собравшихся.

— Кто из вас Е Шуанчэн? — спросил он.

Услышав своё имя, Шуанчэн опешил и недовольно поморщился. Понятия не имея, как в таких случаях предписывает отвечать придворный этикет, он просто поднял руку, точно школяр.

Стоявший подле наследника слуга тут же взвился от негодования:

— Дерзость! Как смеешь ты вести себя столь непотребно перед лицом Его Высочества?!

«И это они называют дерзостью? — мысленно усмехнулся Шуанчэн. — Да я каждый божий день только тем и занимаюсь, что нарушаю приличия»

Заметив краем глаза, как прыснул в кулак сынок министра Не, Шуанчэн закатил глаза и уже приготовился было оправдываться, но Наследный принц благодушно махнул рукой:

— Полно, оставь его. Пустяки. Раз уж господа прибыли во дворец, чтобы составить компанию моим братьям, позаботьтесь о них как следует и ни в чём не ущемляйте.

Последнее напутствие явно предназначалось евнухам, и те поспешили согнуться в три погибели, заверяя господина в своей исполнительности.

И всё же Шуанчэну не давало покоя странное предчувствие. Ему казалось, что Наследный принц разглядывает его с каким-то особым, скрытым интересом.

Не удержавшись, он скользнул ответным взглядом по лицу Ли Цзэханя — и в тот же миг его словно током ударило. Память услужливо подкинула воспоминание о той памятной ночи в весёлом квартале. Ведь тогда рядом с Е Чжэнем в борделе находился именно этот человек!

Догадка мгновенно озарила его разум. Брату тогда наверняка потребовалось встретиться с Наследным принцем с глазу на глаз, втайне от чужих глаз, и терем весенних наслаждений подходил для этого как нельзя лучше. Получается, все те грязные подозрения и обиды, которыми Шуанчэн изводил Е Чжэня, были чистейшей глупостью, раздутой на пустом месте!

«Какая же я неблагодарная скотина! — мысленно распекал он себя. — Брат ко мне со всей душой, заботится, пылинки сдувает, а я вечно спорю, огрызаюсь и строю козни... Настоящий паршивец!»

Из этого самобичевания его вывел только голосистый евнух. Процессия остановилась перед внушительным дворцовым корпусом. Вокруг сновали служанки, а у дверей застыли вооружённые гвардейцы.

— Мы прибыли к Залу Хунвэнь, — почтительно объявил провожатый. — Прошу вас, молодые господа, следуйте за мной.

Подняв глаза, Шуанчэн залюбовался искусно вырезанной вывеской с позолоченными иероглифами: «Зал Развития Литературы». Здание дышало величием и утончённым академическим лоском.

Юноши потянулись внутрь просторного зала, где под присмотром слуг чинно расселись по указанным местам.

Шуанчэн обратил внимание, что за каждым столом было по два места, одно из которых пустовало.

«Очевидно, для высочайших особ, — смекнул он»

Делать было решительно нечего, и он принялся откровенно скучать, разглядывая резные потолки. Вскоре в зал действительно вошли несколько молодых людей в роскошных шелковых одеждах — императорские сыновья, которые без лишней суеты заняли свободные места рядом с соучениками.

В этот момент сидевший по соседству юноша тихонько хмыкнул, придвинулся ближе и заговорщически прошептал:

— Эй, приятель, ты из чьих будешь? Что-то я тебя раньше на столичных приёмах не видел.

«Ещё бы ты меня видел, — хмыкнул про себя Шуанчэн. — Я всю жизнь в Биньчжоу проторчал»

Вслух же он небрежно бросил:

— Мой брат — Е Чжэнь, глава Императорского кабинета.

Сосед ощутимо вздрогнул. Он смерил Шуанчэна изумлённым, полным опаски взглядом, нервно сглотнул и молча отодвинул свой стул подальше.

Урок в этот день вёл великий наставник Ма. Стоило Шуанчэну увидеть почтенного старца, как перед его мысленным взором тут же встали биньчжоуские учителя — такие же занудные, сухие и заикливые на древних канонах. Худшие опасения оправдались в полной мере: стоило старику затянуть монотонную лекцию, как по залу заструилась сонная истома. Ученики один за другим начали откровенно зевать, утыкаясь носами в разложенные свитки.

Сам Шуанчэн уроки ненавидел лютой ненавистью. Если бы не необходимость отчитываться перед строгим братом, он бы в жизни за книгу не взялся. Но унывать он не привык и всегда умел развлечь себя сам. Заметив, что наставник Ма вещает с закрытыми глазами, упиваясь собственным красноречием, Шуанчэн слегка подался вбок и снова докопался до соседа:

— Слышь, а во дворце все учителя такие зануды?

Тот тоже изнывал от скуки, поэтому, услышав шёпот, не выдержал и подозрительно покосился на собеседника:

— Ты правда младший брат самого господина Е?

— Истинная правда, чистейшей воды оригинал! — с напыщенным видом подтвердил Шуанчэн.

Юноша лишился дара речи. Он ещё раз оглядел непутевого отпрыска великого семейства, после чего поспешно прикрыл рот ладонью и зашептал:

— Второй молодой господин Е, вы меня, верно, не знаете. Я Цзи Минхуай, младший брат главы законодательного секретариата Цзи Жучэня. Мой старший брат... ну, трудится бок о бок с вашим...

«Надо же, а я-то думаю, откуда у него эта знакомая постная мина. Яблоко от яблони! — мысленно усмехнулся Шуанчэн»

Тем временем великий наставник Ма отчитал уже добрую половину урока. Видимо, сонная атмосфера в зале окончательно вывела его из равновесия. Старик с грохотом хлопнул свитком по столу и едко осведомился:

— Господа, смею ли я предположить, что мои скромные труды вызывают у вас лишь презрение?

Сонливость у присутствующих как рукой сняло. Юноши мгновенно подобрались, выпрямили спины и усталились перед собой с самым прилежным видом.

Наставник Ма медленно окинул взглядом притихший класс и вдруг указал пальцем на одного из учеников, требуя ответа на вопрос. По иронии судьбы, его выбор пал аккурат на молодого барина из семейства министра Не.

<http://bllate.org/book/18190/1752231>